

прогнана»¹⁶. А ученик Ключевского А.А. Кизеветтер вспоминал следующие слова учителя: «Попомните мои слова: Николаем II закончится романовская династия, если у него родится сын, то уже не будет царствовать»¹⁷.

Таким образом, обстановка в стране накалилась уже до 1905 г. Не случайно ещё 12 декабря 1904 г. Николай II подписал Высочайший указ о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. Страна к тому моменту уже фактически вошла в революционное состояние. Революция – это процесс, а не одномоментный акт, и есть все основания полагать, что она началась значительно раньше трагических событий 9 января 1905 г.

¹⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 395–396.

¹⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 145.

Последняя из западноевропейских или первая из революций «третьего мира»?

Олег Волобуев

The last of European or the first of the third-world revolutions?

Oleg Volobuev (Moscow, Russia)

Часто в работах по политической истории XX век называют веком политических партий и движений¹. И это определение небезосновательно. Одной из особенностей открывающей это столетие российской революции 1905–1907 гг. было то, что она явилась первой партийной революцией в истории. И не потому, что она инициировалась той или иной партией, а в связи с влиянием партий и подобных им организаций на многие события. В них было немало стихийного, связанного с массовым движением. Но многое из произошедшего стало результатом влияния, а порой и прямых действий политических партий. Кровавому воскресенью предшествовали убийство членом эсеровской боевой организации В.К. Плеве 15 июля 1904 г. и банкетная кампания осенью того же года, инспирированная либеральным «Союзом освобождения», предтечей кадетской партии. Само шествие рабочих к Зимнему дворцу 9 января произошло по призыву гапоновской организации с петицией, в составлении которой внесли вклад политически ангажированные интеллигенты. Не мешает вспомнить, что большевики и меньшевики, выступая против замысла самого шествия к царю, тем не менее выделяли для участия в колоннах манифестантов своих активистов.

А декабрьское восстание 1905 г. в Москве? Решение о нём было принято городским Советом рабочих депутатов, которым заправляли социалистические партии. А разве думские выборы, особенно по рабочей курии, не носили по существу партийного характера? Партийное лицо революции проявлялось и в проведении агитационных кампаний, и в организации масс (политические стачки, те же советы), и в террористических актах, и в непосредственном руководстве (или его попытках) рядом вооружённых выступлений.

© 2016 г. О.В. Волобуев

¹ См.: Рябов В.В., Хаванов Е.И. Политические партии – общество – государство. М., 2014.

Но дело не только в агитации и пропаганде, революционных актах и думской деятельности партийных фракций. Партии хотели стать ещё и мозгом революции (одни) или контрреволюции (другие). Идеологии, цели и задачи, программы у них были разными, как и разработанные ими модели революции. Попробуем классифицировать партии, пользуясь в качестве критерия отношением к преобразованиям в России, ведь оценка революции зависела от видения необходимых реформ и их исторической перспективы.

Марксисты считали революцию буржуазной. При этом можно выделить несколько марксистских моделей её восприятия. Меншевистская, наиболее ортодоксальная, оценивала революцию в России как классическую, развивающуюся по французскому образцу 1789–1794 гг. Ленинская модель буржуазно-демократической революции предполагала завершение её при радикальном исходе рабоче-крестьянской диктатурой. Модель перманентной революции Троцкого–Парвуса предусматривала ситуацию, когда буржуазия отрекается от революции и неизбежной становится диктатура пролетариата. Однако в условиях исторической отсталости России диктатура пролетариата сможет построить новое небуржуазное общество только при победе социалистической революции в передовых странах Запада. Заметим, что давно пора отказаться от антагонистического противопоставления моделей Ленина и Троцкого, утвердившегося в 1920-х гг. Общее в них заключено в признании возможности перехода от буржуазной революции к социалистической, и в этом смысле они сводимы к идее нетипичной буржуазной революции с социалистической перспективой. Различие же их связано только с определением условий этого перехода, в первую очередь роли крестьянства в послереволюционном процессе. Для Ленина часть крестьянства – прочный союзник пролетариата, для Троцкого всё крестьянство – консервативная по отношению к диктатуре пролетариата сила. Нельзя не согласиться с Э. Карром², что в 1905–1907 гг. разногласия Ленина и Троцкого по вопросам теории «были едва заметны». Уже тогда оба оценивали революцию в России как стартовую площадку для ускоренного, форсированного партией «въезда» в социализм.

В эсеровской литературе российская революция именуется трудовой или народно-трудовой. Неонародники использовали элементы теоретических построений как своих предшественников – народников, обосновывавших особый тип преобразований общества в крестьянской стране, так и марксистов. Признав наличие капитализма в России и теорию классовой борьбы, они унаследовали от классического народничества представление об исторической миссии крестьянства. Социальный строй России изображался в виде двух столетиями сосуществовавших антагонистических комплексов. Один – авторитарный и нетрудовой (самодержавие, дворянство, бюрократия), другой – проникнутый началами труда и автономизма (крестьянство), получивший развитие в общине. В отличие от Западной Европы, в Россию капитализм был «привнесён» самодержавием. Поэтому народу в его борьбе «за землю и волю» противостояла коалиция самодержавия, дворянства и капитализма.

К типу неонароднической трудовой революции можно отнести три модели: собственно эсеровскую, энесовскую и эсери-максималистскую. В свою очередь, модель эсеров-максималистов близка к анархистской. Концептуально обе они базируются на «бунтарском» варианте массовых действий. Наиболее це-

² Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1–2. Большевистская революция. 1917–1923. М., 1990. С. 69.

лесообразным методом социального переворота максималисты считали, пользуясь их терминологией, коммунистическую децентрализованную, или коммунально-федералистскую революцию. На первый план выдвигалось понятие «захват»: везде, где можно, народ захватывает землю, предприятия, транспорт и т.д., дезорганизуя этим власть и одновременно применяя против неё политический террор. Власть не может справиться с очагами революционных пожаров, распространившимися на всю страну, – и в результате разваливается, а трудовая революция побеждает.

Кадеты воспринимали происходящее в России как либеральную политическую революцию того же типа, что и западноевропейские, именуемые в марксистской интерпретации буржуазными. Разница заключалась лишь в ракурсе: считать ли революцию переходом от феодальной формации к капиталистической или от абсолютизма к представительной демократии и правовому государству. При последнем подходе объяснимы понимание революции как конфликта власти и общества, колебания между приятием и неприятием революционного насилия (одно дело манифестации, массовые митинги, политические стачки, другое – вооружённые выступления, восстания), тактика канализации революции в парламентское русло. Вполне понятно, что в этой модели принятие Основных законов и созыв первой Думы расценивались как успех и завершение революции. Конечно, кадетов не удовлетворяли полусамодержавие, полуконституция и полупарламент. Но, согласно их логике, лучше, если за революцией будет закрыта дверь и она останется по ту сторону истории.

Не стану рассматривать взгляды октябристов и правомонархических партий. Здесь схема революции проста: профессиональные революционеры, образно говоря, «бесы», натравливают тёмный народ на власть с целью разрушения государства и грабежа всего и вся.

Из современных историков наиболее перспективными для понимания революционного процесса в России представляются мне подходы М. Малиа (особенно в лекционном курсе)³ и Т. Шанина⁴. У них разные концепции, но оба включают события 1905–1907 гг. в длительный революционный процесс (1902–1922 и 1904–1934 гг. соответственно) и рассматривают их в контексте новой исторической эпохи. Для Малиа это «многоклассовая революция», где конфликт проходит по оси «власть–общество». Круто искривляется революционный процесс только в 1917 г., являя собой нетипичное течение событий. В известном смысле революция начала XX в. в России – замыкающее звено «правильных» либеральных революций. Для Шанина 1905–1907 гг. – время создания новых взглядов и стратегий, которые затем повторяются в разных странах на протяжении ряда десятилетий, первая революция выходящих на авансцену истории «развивающихся обществ». И как модернизация становится явлением мировой истории только после разделения мира на авангардные государства и «отживающие общества», так и революции типа российской начала XX в. могут происходить только в условиях глобального модернизационного процесса. В таких социальных переворотах крестьянство выступает в качестве основной, ударной революционной силы. Это не революция городов, а революция деревень, типичная, скажем, для «советских районов» Китая.

Почему я считаю взгляды Малиа и Шанина перспективными? Потому что их труды – своего рода пособия по демифологизации моделей революции,

³ Малиа М. К пониманию русской революции. Л., 1985.

⁴ Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.

сконструированных партийными лидерами и публицистами, которые видели революцию, по меткому выражению Шанина, из окон городских квартир. Концепции городской революции у Малиа и крестьянской революции у Шанина воспринимаются как противостоящие друг другу. Такими они были и в первое советское послереволюционное десятилетие, когда историографические оценки колебались от «Рабочей революции 1905 года» В. Михайлова (1919) до «Крестьянской революции 1905–1907 гг. в России» А. Шестакова (1926). Эти расхождения отразила и дискуссия о первой российской революции, развернувшаяся на страницах журнала «Большевик» в 1931 г. В противовес такому полярному восприятию стоит вспомнить известный меньшевистский пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.», где говорилось о «параллельных революциях» в 1905–1907 гг. – городской и крестьянской. Можно вспомнить и выступление В.М. Чернова на Первой общепартийной конференции эсеров в августе 1908 г., где он рассуждал об оригинальных чертах российской революции. В её «сложном, синтетическом характере» Чернов находил черты антифеодальных крестьянских войн, либерально-буржуазной Великой французской революции, национальных войн-революций, рабочих восстаний (Парижская Коммуна). Он говорил и о том, что в 1905–1907 гг. городская революция потерпела поражение, а разобщённые «революционные оазисы» деревенского мира оказались политически изолированными. Возвращаясь к Малиа и Шанину, отметим, что они увидели одну и ту же революцию с двух сторон. Она имела и «европейское», и «крестьянское» лицо. На мой взгляд, Россия пережила в 1905–1907 гг. и последнюю городскую, или общенациональную, и одновременно первую крестьянскую революцию, характерную в XX в. для стран третьего мира.

Отмечался в публицистике начала XX в. и третий компонент революционного движения в России – борьба за этнонациональные права от национально-культурной автономии (например, еврейской или украинской) до последовательного сепаратизма (например, требования восстановления польской независимости). Меньшевистский публицист в очерке «Национальное движение» писал: «Национальный момент в российской революции, т.е. борьба за национальные права со стороны многочисленных народностей, населяющих Российскую империю, играет весьма серьёзную роль. Он важен не только как лишний штрих в общей картине, но и как крайне существенный элемент самого процесса революции и контрреволюции»⁵. Выражение «лишний штрих в общей картине» очень показательное: национальный вопрос действительно растворялся в общей картине классовой или общенациональной революции. Характерны в этом отношении представления М.Н. Покровского. Революционные события на окраинах (за исключением польских земель и Финляндии) для него были лишь отражением событий в Петербурге и Москве: «Следя за общим ходом успехов и неудач революции 1905 г., можно было не выходить за пределы центрального района... Не национализм поэтому, а вполне реальные задачи исторического объяснения заставляют излагать 1905 г. как цепь событий прежде всего русских, беря даже теснее – петербурго-московских»⁶. Такое отношение к национальному вопросу в историографии революции 1905–1907 гг. констатирует германский историк А. Каппелер: «Исследователи как внутри, так и вне Советского Союза отдава-

⁵ Ленский З. Национальное движение // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. СПб., 1909. С. 349.

⁶ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 441.

ли приоритет социальным и политическим факторам революции и подчиняли им национальные моменты... Тем не менее национальные движения развивают свою собственную динамику, которую нельзя недооценивать»⁷.

В заключение хотелось бы остановиться на проблеме «государство и революция». Как известно, революции нигде не происходят без активного содействия со стороны государственной власти. Она совершает ошибки трёх типов: своевременно не проводит назревшие реформы; не слышит «подземного гула» надвигающейся революции (или реющих над штилевым морем буревестников); избегает диалога со своими оппонентами и «верноподданным» народом, делая ставку на насилие. Чутко отзывавшийся на колебания революционных струн П.Б. Струве закончил свою статью «Великая Россия» так: «Государство должно быть революционно, поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество»⁸. Иными словами, государство должно перехватить у революции инициативу преобразований.

⁷ Канпелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 241–242.

⁸ Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 200.

Стратификация российского общества и революция 1905–1907 гг.

Наталья Иванова

Stratification of Russian society and the revolution of 1905–1907

Natalia Ivanova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Возникновение революции непосредственно связано с неустойчивым, переходным характером российской социальной структуры. Как известно, перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала разделение населения на сословные, профессиональные и классовые группы. При этом сословное начало было выражено наиболее чётко. Привилегированные сословия (дворянство, духовенство, почётные граждане, купцы) составляли всего 2.5% населения, в то время как непривилегированные (бывшие податные) – крестьянство, мещанство, инородцы, в известной мере казачество – абсолютное большинство (более 95%)¹. Что касается профессиональных групп, то в переписи фиксировались не столько специальности, сколько занятия, которые определялись для самодеятельного населения на основе главного источника получения дохода. Поэтому в группировку о занятиях были включены и лица, не имевшие определённых занятий и жившие за счёт капитала, родителей, пенсий и т.п., а также те, кто явно не имел специальности – подёнщики, чернорабочие, прислуга.

Сведения о занятиях свидетельствуют о том, что 54.9% самодеятельного населения России в конце XIX в. трудилось в сельском хозяйстве. В промыш-

© 2016 г. Н.А. Иванова

¹ Подсчитано по: Общий свод по империи результатов обработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. XIII, 164–171.